

вится, что повѣсти Гоголя переведены на французскій языкъ (черезъ что талантъ Гоголя получилъ европейскую извѣстность); а намъ нравится (и при томъ еще какъ!) и «Помѣщикъ» Тургенева, и то, что повѣсти Гоголя изданы въ Парижѣ въ такомъ прекрасномъ переводѣ. Къ «Помѣщику» приложены прекрасныя картинки, рисованныя Агинымъ. Мы очень рады случаю отдать должную справедливость таланту этого молодого художника. Тиммъ—безспорно лучший рисовальщикъ въ Россіи, но въ его карандашѣ ничего нѣтъ русскаго. Смотря на картинки Агина, невольно вспомнишь стихи Пушкина: «Здѣсь русскій духъ, здѣсь Русью пахнетъ». Его картинки къ «Помѣщику»—заглядѣны!—за исключеніемъ, впрочемъ, четырехъ, которыя не удались, какъ 16-я, 17-я и 19-я, или мало удались, какъ 11-я.

Въ началѣ прошлаго года Майковъ подарилъ публику прекрасной поэмой—«Дѣвѣ Судьбы»; въ началѣ нынѣшняго года онъ опять даритъ ее прекрасной поэмой—«Машенька». Разсказывать содержание новаго произведенія Майкова было бы излишне: оно такъ просто. У бѣднаго чиновника соблазнили страстно любимую имъ дочь; увидѣвъ ее на гуляньѣ, на островахъ, вѣдущую, въ пышномъ нарядѣ, объ-руку съ своимъ соблазнителемъ, несчастный отецъ проклинаетъ ее; оставленная своимъ любовникомъ, бѣдная Маша, которой вся вина состоитъ въ страстной натурѣ и дѣтской неопытности ума и сердца, возвращается къ отцу—и тотъ принимаетъ ее съ благословеніемъ. Вотъ и все. Сюжетъ даже не новъ. Но въ художественномъ произведеніи дѣло не въ сюжетѣ, а въ характерахъ, въ краскахъ и тѣняхъ разсказа. Съ этой стороны поэма Майкова отличается красотами необыкновенными. Характеръ отца обрисованъ превосходно. Маша и ея подруга, Zizine, какъ институтки, очерчены безподобно; но характеръ Маши, какъ героини поэмы, не совсѣмъ ровень и опредѣлителенъ; чего-то недостаетъ ему. Лучшая сторона новой поэмы Майкова—то, что на вульгарномъ языкѣ называется соединеніемъ патетическаго элемента съ комическимъ, которое въ сущности есть не иное что, какъ умѣнье представлять жизнь въ ея истинѣ. Этой истины много въ поэмѣ. Особенно порадовала насъ въ ней прелесть комическаго разговора, который даетъ надежду, что для таланта молодого поэта предстоитъ еще въ будущемъ богатое развитіе въ такомъ родѣ поэзій, къ которому въ началѣ его поприща никто не считалъ его способнымъ. Не для показанія красотъ поэмы (для этого ее нужно было бы перепечатать всю), а для поясненія и подтвержденія нашей мысли, **выписываемъ** конецъ:

Марія шла дрожащею стопой,
Одна съ больною, растерзанной душой:
„Дай силы умереть мнѣ, правый Боже!
Весь міръ—чужой мнѣ... А отецъ?... старикъ...
Оставленный... и онъ... онъ проклялъ тоже!
За что жъ? хотъ на него взглянуть бы мигъ,
Все разсказать... а тамъ—пусть прокли-
наетъ!“

Она идетъ; сторонится народъ,
Кто молча, кто съ угрозой, кто шепчетъ:
„Безумная!“ и въ страхѣ отступаетъ.
И вотъ знакомый домикъ: меркнулъ день,
Зарей вечерней небо обагрилось,
И длинная по улицамъ лежала
Отъ фонарей, деревь и кровель тѣнь.
Вотъ садъ, скамья, поросшая травой,
Подъ вѣтвями широкими березъ.
На ней старикъ. Послѣдній клочъ волосъ
Давно ужъ выпалъ. Блѣдный, онъ казался
Однимъ скелетомъ. Ветхій видъ-мундиръ
Не снятъ: онъ, видно, снять не догадался,
Прийди отъ должности Покой и миръ
Его лица былъ страшенъ: это было
Спокойствіе отчаянья. Уныло
Онъ только ждалъ скорый оставитъ міръ.
Вдругъ слышатъ вздохъ и листья задрожали
Отъ шороха. „Что, ужъ не воры ль тутъ?
А пусть все крадутъ, пусть все разберутъ,
Вѣдь ужъ они... они ее украли!“
Старикъ закрылъ лицо и зарыдалъ,
И чудится ему рыданія тоже,
И голосъ: „Что я сдѣлала съ нимъ, Боже!“
Не зная какъ, онъ дочь ужъ обнималъ,
Не въ силахъ слова вымолвить.—„Папаша,
Простите!“—„Что, я развѣ звѣрь иль жидъ!“
—„Просите!“—„Полно! Богъ тебя проститъ!
А ты... а ты меня простишь ли, Маша?“

Мелкихъ стихотвореній въ «Петербургскомъ Сборникѣ» немного. Самыя интересныя изъ нихъ принадлежать перу издателя сборника, Некрасова. Они проникнуты мыслью; это—не стишки къ дѣвѣ и лунѣ; въ нихъ много умнаго, дѣльнаго и современнаго. Лучшее изъ нихъ—«Въ Дорогѣ». Изъ другихъ стихотвореній въ «Сборникѣ» замѣчательны переводы Тургенева: «Тьма», изъ Байрона, и «Римская Элегія», Гёте.

«Макбетъ» Шекспира, переведенный Кронбергомъ, одианъ заслуживалъ бы особой критической статьи, потому что это переводъ классическій, вполне достойный подлинника. «Макбетъ»—одно изъ самыхъ колоссальныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ самыхъ чудовищныхъ произведеній Шекспира, гдѣ съ одной стороны отразилась вся испанская сила творческаго его гения, а съ другой—все варварство вѣка, въ которомъ жилъ онъ. Много разсуждали и спорили о значеніи вѣдьмъ, играющихъ въ «Макбетѣ» такую важную роль: одни хотѣли видѣть въ нихъ просто вѣдьмъ, другіе—олицетвореніе честолюбивыхъ страстей Макбета, глухо свирѣпствовавшихъ на днѣ души его; третьи—поэтическія аллегоріи. Справедливо только первое изъ этихъ мнѣній. Шекспиръ—можетъ быть, величайшій изъ всѣхъ гениевъ въ сферѣ поэзій, какихъ только видѣлъ міръ; но въ то же время онъ былъ сынъ своего вре-